

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367

EDN: ROZNSD

Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования*

В. Г. Виноградский, О.Я. Виноградская

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,

просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: vgrape47@yandex.ru; vgrape58@yandex.ru)

Аннотация. Феномен, фиксируемый посредством понятия «самоорганизация», реализует свою познавательную и аналитическую функцию во множестве дисциплин — физике и химии, кибернетике и информатике, экономике и социологии, психологии и культурологии. Отечественные и зарубежные исследователи, изучающие формы и практики самоорганизации сельского населения, как правило, рассматривают их через призму факторов, которые воздействуют на темпы, формы и качество социально-экономических преобразований, материальный облик и событийную динамику негородского жизненного пространства страны. К числу наиболее действенных факторов, которые влияют на реконструкцию социального пространства сельской местности и в целом на оптимизацию сельского мира, относят факторы управленческие, социально-экономические, инновационные, демографические и урбанистические, климатические и экологические, а также дополняющие их или имеющие промежуточный характер. Авторы систематизируют основные принципы исследования практик самоорганизации сельского населения, которые эмпирически проявляются в их региональной и предметно-деятельностной специфике (локальные природные обстоятельства, культурно-этнографические традиции, изменяющийся состав местного населения, его трудовые привычки, индикаторы профессиональной умелости и трудолюбия). Все перечисленное исторически складывается в некий *genius loci* («дух места», «гений локуса»), плотно упакованный в рамки обычаев и определяющий механизмы выработки и принятия инициативных решений субъектами самоорганизации, нацеленных на построение таких институциональных механизмов и практик, которые не могут не способствовать переходу на новую траекторию развития сначала отдельных сегментов (домохозяйств, фермерских объединений и т.д.), а затем и всех базовых элементов сельского социума, которые воплощены в повседневности своеобразных сельских «локальностей».

Ключевые слова: самоорганизация; неформальное взаимодействие; сельские сообщества; практики самоорганизации сельского населения; сельская повседневность; образ жизни сельского населения; сельский мир

*© Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., 2023

Статья поступила 19.01.2023 г. Статья принята к публикации 21.04.2023 г.

Феномены самоорганизации, наблюдаемые в сельских сообществах, исследуются отечественными специалистами в разных контекстах: влияние самоорганизации сельских жителей на работу органов местной власти и систем жизнеобеспечения [17; 18]; роль практик сельской самоорганизации в бытовании разных форм социального капитала сельских сообществ (символического, этнокультурного и др.) и их конвертации в экономические ресурсы; практики самоорганизации жителей российских экопоселений [10; 12; 23]; поколенческая трансформация практик самоорганизации жителей сельских поселений [22]; эволюционные аспекты бюджетной политики местного самоуправления в российских регионах [14] и т.д. Однако значительный объем проведенной исследовательской работы не отменяет необходимости дополнительных аналитических инициатив, в известной степени уточняющих сделанное и обнаруживающих спонтанно возникающую в материале жизненной повседневности событийную новизну, поскольку разноликая, пестрая событийность, свойственная процессам самоорганизации в несхожих сельских социумах, сложна и весьма многолика.

Многие глобальные процессы, стремительно развивающиеся в настоящее время, в большей степени (в «качественном» измерении) трансформируют социально-пространственные характеристики сельской местности, нежели городов и агломерационных образований. В подобных «переустроительных» движениях заметная роль может и должна выполняться процессами, которые формируют и переводят в ранг социально-экономических (и смежных с ними) институтов специфические региональные практики сельской самоорганизации. Существующие сегодня институциональные формы, задающие установки и стратегии самоорганизации сельского населения, нередко необоснованно ограничивают его возможности и консолидационные инициативы.

Специалисты, изучающие проблематику самоорганизации, как правило, оставляют без внимания терминологическую оригинальность понятия «самоорганизация». Дело в том, что изучение форм и практик самоорганизации в современной сельской России предполагает осуществление предварительной и вспомогательной, но важной и необходимой методологической операции, цель которой — последовательно и бережно вмонтировать междисциплинарное понятие «самоорганизация», результативно работающее в целом ряде естественных (физических, химических, биологических) и социально-гуманитарных (психологических, социологических, педагогических) наук, в интересующий нас социально-пространственный контекст (жизненную среду российского села), центральным элементом которого выступает сельское население, демонстрирующее (в лице единичных акторов и отдельных групп) различные по интенсивности и содержательности формы социально-экономической и культурно-преобразовательной активности.

Лингвистически-терминологическая конструкция понятия «самоорганизации» такова, что сообщает ей свойства слова-«амфибии». С одной

стороны, понятие отражает одно из наиболее фундаментальных свойств движущейся материи во множестве естественно-научных дисциплин; с другой стороны, эвристический потенциал «самоорганизации» находит все более активное и широкое применение в социальных науках, хотя этот феномен исследовали и мыслители прошлого (Р. Декарт, И. Кант, М. Хайдеггер, Н. Луман и др.). Так, известный американский экономист и географ П. Кругман в книге «Самоорганизующаяся экономика» обозначил специфику и суть самоорганизации: «то, что мы наблюдаем и пытаемся понять, и не обязательно то, чего мы хотим» [26. С. 5–6]. По сути, Кругман высказался против плановой экономики в пользу экономики самоорганизующейся, где ведущую роль играет энергетика своенравных рыночных сил. Но гораздо важнее теоретико-методологический потенциал его определения: в этой краткой цитате прослеживается два разных субъектно-групповых «мы». Первое — «мы» наблюдателей, исследователей и аналитиков, задача которых — понять существо, границы и производительные перспективы самоорганизации. За вторым «мы» стоит не столько наблюдатель, сколько строгий блюститель предустановленных экономических и организационных правил — чиновник, управленец, носитель схематизированного, исполненного предсказательной планомерности, инструктажно-установочного сознания.

Такая оценочная дихотомия весьма эвристична, особенно в исследовании живых практик самоорганизации, которое объясняет подоплеку поучительных жизненных опытов и отправлений — в них индивиды демонстрируют выдающиеся образцы социально-экономической изобретательности и искусства жить. Самоорганизация тем и интересна, поэтому в обществоведческой литературе встречаются тексты, в которых она трактуется как социальный инструмент сохранения и поддержания повседневности, что указывает на конструктивный и животворный потенциал самоорганизации [6].

Однако наряду с познавательной-аналитической востребованностью понятия «самоорганизация» и междисциплинарной широтой его исследовательского применения нельзя не заметить, что оно, при всей, казалось бы, понятности и прозрачности смыслового наполнения, не имеет словарных синонимов. Ни один из просмотренных словарей (от языковых до специально-тематических, от бумажных до сетевых) не показывает искомого результата. Это означает, что самоорганизация в ее лингвистическом и понятийно-терминологическом бытии одинока и сиротлива: рядом с ней отсутствует то самое (более или менее обширное) синонимическое облако, наличие которого по всем лингвистическим канонам выступает как безусловное свидетельство полной и прочной укорененности словоформы в языке. Вероятно, кричащее отсутствие у «самоорганизации» уточняющих ее смысловые параметры синонимических рядов обусловлено ее интуитив-

ной понятностью и семантической прозрачностью ее основных содержательных свойств.

Вместе с тем отдельные моменты уточняющего детализирования термина «самоорганизация», т.е. его косвенная синонимия, обнаруживаются в специальных текстах, предполагающих строгую корректность любых формулировок. Так, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в Статье 27 «Территориальное общественное самоуправление» определяет его как «самоорганизацию граждан по месту их жительства... для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения». Следовательно, самоорганизация — это система активных начинаний, инициированных субъектами (индивидуальными или коллективными) в целях оптимизации параметров своего повседневного существования во вверенной их заботам жизненной среде. Самоуправлению же присущ более высокий градус социальности — оно основано на коллективных намерениях, координируемых посредством коммуникации между акторами внутри системы. Специфичность самоорганизации заключается в небольшом, но явном переносе акцентов: она упаковывает в свои деятельностные форматы автономно (бесконтрольно и независимо) возникающие индивидуальные и коллективные действия. Хотя самоорганизация по природе субъектна и инициативна, она не может не подытоживать пестроту индивидуальных намерений, предполагая их координацию и некоторым образом приглушая их остроту, что приобретает решающее значение для практического осуществления желаемых трансформаций — как преднамеренных и запланированных, так и эмерджентных, возникающих спонтанно. В данном случае прослеживается позитивный, конструктивный и животворный потенциал событий самоорганизации. Закономерен вывод, что своему семантическому складу и языковому предназначению самоорганизация синонимична тем социально-экономическим и культурным проявлениям и инициативам, которые отчетливо помечены коннотациями положительности, одобрительности и благоприятности.

В то же время словоформа «самоорганизация», не имея ни одного официально закреплённого в словарях синонима, избыточно оснащена антонимическими дефинициями: «беспорядок», «уничтожение», «дезорганизация», «хаос», «расхлябанность», «расформирование», «ропуск» и т.д. Эти антонимы демонстрируют семантическую «изнанку» термина «самоорганизация»: все полярные ей словоформы рельефно ее «подсвечивают», задавая ее смысловые уточнения от противоположного. В результате поднимается и крепнет то, что можно обозначить как комплементарный авторитет самоорганизации: объективно подтверждается непроизвольно возникающее представление, что и само событие самоорганизации, и те разнообразные

комбинации замыслов, что ее порождают, и те деятельность акты, что ей сопутствуют, не могут не иметь некий позитивный смысл и созидательную нацеленность. Разумеется, ограничиться в истолковании самоорганизации лишь языковой аналитикой непозволительно — следует перейти к философско-социологическим ее трактовкам, сосредоточившись не столько на традициях ее естественно-научного познания, сколько на уяснении ее роли в эволюции социально-экономических систем, в частности, в преобразовании сельского социально-экономического пространства и образа жизни сельского населения.

В «Большом толковом словаре» самоорганизация определяется как «упорядочение каких-либо элементов, обусловленное внутренними причинами, без воздействия извне» [5]. Соответственно, главное в самоорганизации — это упорядочение (улаживание, амелиорация) относительно самоорганизующейся системы (группы, организации) без получаемых снаружи импульсов, которое преследует (по крайней мере, должно) исключительно позитивные цели — вожделенный порядок. Однако углубленная теоретическая проработка свойств самоорганизации приводит специалистов к несколько иным выводам: например, в статье «К вопросу об исследовании конструктивной и неконструктивной социальной самоорганизации» В.С. Карпичев, определив самоорганизацию как «способность социальной системы поддерживать уровень своей организации при резкой смене внутренних или внешних условий», скептически отмечает: «самоорганизация прежде всего проявляется как спонтанное социальное движение, инициатива, конструктивная и неконструктивная самодеятельность, т.е. в качестве самоорганизующихся, слабоуправляемых, слабоструктурированных процессов» [9. С. 59].

Не менее критически автор оценивает и отдельные формы самоорганизации: «...мы встречаемся с диссипативными, когерентными (согласованными), неравновесными, вероятностными, формирующими, “размывающими”, кризисными и иными подобными процессами, и явлениями». Например, граждане, «сохраняя непредсказуемость, остаются главными субъектами управления и самоорганизации в российском социуме и, следовательно, ответственности. Однако ставшая социальным фактом разобщенность людей, растущая поляриность их интересов, безответственное (и непрофессиональное) отношение к государственной идеологии как выражению коренных интересов народа, обнищание масс и отчуждение от власти, утеря значительной частью населения социальной перспективы, нецивилизованная активность бизнеса, рост криминала, породившего небывалую коррумпированность многих властных структур, неадекватное внешнее воздействие, глобализация и унификация жизни, трагический распад Союза — все это и многое другое сказалось на становлении широкого спектра возможностей для протестных движений и инициатив, выражающих интересы граждан в гражданском обществе и социальном государстве,

что приводит к “дикому”, монополизируемому и беспощадному рынку как наиболее распространенному типу социальной самоорганизации, “эманации” (Гегель), т.е. обратному социальному развитию и развитию с неопределенными векторами» [9. С. 59].

Утверждения, что процессам самоорганизации свойственны «спонтанность, слабоуправляемость и слабоструктурированность» и, следовательно, они малоэффективны и бесполезны (чуть ли не контрпродуктивны), не единичны в нынешнем социально-политическом дискурсе. Так, пытаясь сконструировать социальную модель местного сообщества, К.С. Осоргин, по сути, говорит о бессилии и беспомощности попыток самоорганизации в деле формирования локальных сообществ — как городских, так и сельских. Отдавая должное некоторому позитивному потенциалу самоорганизации, автор решительно отвергает ее общественную эффективность: «Самоорганизация местных сообществ демонстрирует потенциал представителей к объединению в различные социальные группы по интересам или потребностям, способность к взаимному сотрудничеству. Невозможность реализовать свой потенциал на местном уровне, через органы местного самоуправления и внутри местных сообществ, приводит граждански и экономически активную часть населения либо к решению покинуть страну, либо к жесткому противостоянию федеральной власти, либо к тотальному взаимному недоверию. Все это никакой пользы стране принести не может, поскольку деятельный человеческий и общественный ресурс растрачивается совершенно неэффективно» [11. С. 275].

Перечисленные выше жизненные обстоятельства продолжают иметь место в современном общественном устройстве, поэтому не могут не влиять на «механику» самоорганизации субъектов, в том числе в сельской глубинке.

Более оптимистические оценки потенциала самоорганизации приводятся в экономико-социологических исследованиях тех аграрников, которые в течение длительного времени наблюдают эволюцию практик сельскохозяйственного производства, в частности отечественного фермерства, и аналитически обобщают накопленные данные. Так, В.Ф. Башмачников, изучая факторы успешности семейных фермерских хозяйств в целях оценки перспектив их развития, подчеркивает важность «эффекта семейной самоорганизации». Автор постоянно акцентирует в своих полевых наблюдениях и аналитических выкладках фактор семейности, т.е. что наиболее прочный и надежный базис самоорганизации — это близкородственные семейные связи членов фермерского коллектива. И даже когда зарегистрированное крестьянско-фермерское хозяйство нанимает работников «со стороны», «координация взаимодействия членов семьи и небольшого числа наемных работников осуществляется не на основе официальных

правил, а с помощью выработанных с годами внутрисемейных обычаев и договоренностей. Благодаря этому и возможно сочетание самоуправления и самоорганизации» [3]. Получается, что самоорганизация — это деятельностное согласие тружеников, внятно ощущаемый «симфонизм» их намерений и перспектив, «солидарность, сплоченность и гармония в процессе взаимодействия». Перечислительная конструкция этой дефиниции замечательна тем, что посредством живых исследовательских контактов с фермерами автор сумел отыскать те синонимы понятия «самоорганизация», которые отсутствуют в толковых словарях.

Попробуем обозначить собственное представление о феномене самоорганизации (в том числе самоорганизационных акций, присущих сельскому населению): по своей родовой природе он субъектен — самоорганизация немыслима без четко осознанных (иногда и интуитивно предпринимаемых) личностных устремлений субъекта. М. Хайдеггер в знаменитом «Письме о гуманизме» утверждал, что «существо труда вчерне продумано в гегелевской “Феноменологии духа” как самоорганизующий процесс всеохватывающего изготовления, т.е. опредмечивания действительности человеком, который почувствовал в себе субъекта» [20. С. 287]. Но этого мало — событие самоорганизации полноценно реализуется с использованием преимущественно (и даже исключительно) локальных, т.е. соседствующих и «прилегающих» к субъекту обстоятельств, а также перипетий его индивидуального жизненного пути, который включает в качестве базового элемента процесс «опредмечивания действительности человеком». Всякий субъект включен в него весьма основательно, «без изъятий», поэтому событийность самоорганизации, т.е. ее наглядная процессуальность, темпоральное развертывание и предметно-деятельностные мизансцены в конечном счете непременно персоналистичны (субъектны) и приземленны (неотрывны от места пребывания субъекта).

Такое пространство жизни в сельской социологии принято называть сельской жизненной средой, но мы предпочитаем говорить о сельском мире: «мир» содержательно богаче, чем «среда» и гораздо продуктивнее в теоретико-методологическом отношении. Дело в том, что ключевой элемент предложенного понятия («мир») чаще всего истолковывается как поэлементно-разнообразная, собранная вместе совокупность соседствующих вещей, обозреваемый объем сотворенного человеком и данный ему ближайшим природным окружением набор жизненных обстоятельств. В одном из авторитетных социологических исследований сельский мир охарактеризован весьма точно и без прямой отсылки к «вещам». По определению Ж. Тощенко, «мир сельчан — это сложный и противоречивый мир человеческого измерения, существования и функционирования их социального потенциала, их возможностей,

их восприятия и реакции на происходящие в обществе изменения и отсюда (не) готовность понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым в обществе и государстве преобразованиям» [13. С. 16–17].

Элементы, образующие сельский мир, — это не просто совокупность материальных вещей, а континуальная непрерывность субъективных реакций и рефлексий относительно происходящих в обществе изменений. Но сводится ли к веренице разнообразных форм и вещей суть «мира» как теоретико-методологической конструкции? Этот вопрос поставил перед собой М. Хайдеггер, когда, занявшись исследованием базовых понятий метафизики, включил понятие «мир» в заголовок своего научного трактата и обозначил свою стартовую аналитическую позицию следующим образом: «“мир” особенно располагает к тому, чтобы подразумеваемое под ним понимать как наличное, понимать “мир” как сумму частей» [19. С. 452].

Однако дальнейшие размышления приводят философа к выводу, что «мир» — это не столько вещи, сколько расположения, переживания, чувствования, жизнеощущения, настроения, некая тональность бытия, его своеобразная мелодика. Соответственно, Хайдеггер формулирует новое определение «мира»: «Настроение — это некий строй... в смысле мелодии, которая не парит над так называемым наличным бытием (“миром”) человека, но задает тон этому бытию, т.е. настраивает и обустривает “что” и “как” его бытия... Настроения — это то *как*, в соответствии с которым человеку так-то и так-то» [19. С. 116–117].

По сути, самоорганизация представляет собой ни что иное как некое синкретическое (вбирающее в себя систему мотивационных мотивов и деятельностных актов) движение субъекта от одного «как» к другому «как» [7] — от одного жизненного настроения к иному, от «мира», уже плотно сложившегося и в этом смысле «бывалого» (бывшего, прошлого) к «миру» новому, складывающемуся, заново вырастающему не посредством внешних распорядительных воздействий, а вполне самостоятельно и даже самочинно, самоуправно. Если рассуждать в более академической тональности, то понятие самоорганизации основано на идее, что общество не является результатом осуществления только одной — правительственной — перспективы, а состоит из бесконечного множества элементов — со всем их разнообразием и динамикой, побуждениями и начинаниями. Поэтому, исследуя самоорганизацию, мы должны фиксировать и внимательно изучать инициативы, которые зарождаются в сельском социуме, а затем, уточняясь в практических применениях и содержательно «набухая», продвигаются через общинные сети в конкретном месте или на заметные дистанции, оставаясь достаточно автономными (неподконтрольными государству) и обладая потенциалом преобразовательной энергии для развития и усложнения сельских социально-пространственных структур.

Разумеется, такая «энерговооруженность» и активность сельской самоорганизации в ее нормальных, органически возникающих, лишенных радикализма формах не может не быть рефлексивной и осмотрительной. Она так или иначе учитывает общую «сценическую» обстановку реального социально-экономического существования как местного социума, так и страны в целом, и потому не может не быть подвержена воздействию «фоновых практик», к числу которых относятся разные ориентиры формируемой управленческими государственными институциями политики сельского развития. Поэтому, исследуя феномен самоорганизации, следует сначала сосредоточиться на этих внешних, но «режимных» (задающих общий климат) обстоятельствах повседневной сельской жизни, складывающихся под влиянием исторически меняющихся организационно-политических моделей сельского территориального развития. Это позволит лучше понять ключевые параметры самоорганизации и оценить ее политико-экономические и социально-культурные перспективы.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. Агibalов А.В., Запорожцева Л.А., Ткачева Ю.В. Сценарный подход к разработке стратегии развития сельских территорий // Вестник ВГАУ. 2019. № 3.
2. Адуков Р., Захаров Р. Госпрограмма комплексного развития сельских территорий: оценка и выводы на будущее // Экономика сельского хозяйства России. 2019. № 10.
3. Баишмачников В.Ф. К методологии выявления факторов успешности семейных фермерских хозяйств в целях оценки перспектив их развития // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 7.
4. Божков О.Б., Троцук И.В. Постсоветский фермерский интернационал в сельском хозяйстве Северо-Западного региона // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 4.
5. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
6. Вахитов Р.Р. Как мы выживали в 1990-е? Общинная самоорганизация россиян в эпоху либеральных реформ 1990-х гг. // Философия социальных коммуникаций, 2009. № 1.
7. Виноградский В.Г. «Деревня» и «сельский мир»: сходство и несовпадение // Пути России: Границы политики / Под ред. М.Г. Пугачевой. М., 2019.
8. Дерябина М.А. Теоретические и методологические основания самоорганизации социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. № 7.
9. Карпичев В.С. К вопросу об исследовании конструктивной и неконструктивной социальной самоорганизации // Социология власти. 2010. № 5.
10. Кулясов И.П., Кулясова А.А. Экопоселения — новая форма сельских сообществ в России // Экология и жизнь, 2008. № 10.
11. Осоргин К.С. Модель местного сообщества: структура, функции, ключевые атрибуты // Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования / Под ред. В.А. Рубцова, Э.И. Байбакова. Казань, 2019.
12. Рыбакова М.В. Потенциал экопоселений в социально-экологической модернизации современной России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М., 2015.
13. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.

14. *Сумская Т.В.* Проблемы бюджетной обеспеченности местного самоуправления (на примере Новосибирской области) // *Федерализм*. 2018. № 1.
15. *Троцук И.* Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики // *Крестьяноведение*. 2018. Т. 3. № 4.
16. *Троцук И.В.* «Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не) формальной экономике // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 4.
17. *Фадеева О.П.* Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // *Эко*. 2019. № 4.
18. *Фадеева О.П., Нефедкин В.И.* «Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане // *Крестьяноведение*. 2018. Т. 3. № 3.
19. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики. Мир-конечность-одиночество. СПб., 2013.
20. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Время и бытие*. СПб., 2007.
21. *Хищенко В.Е.* Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. М., 2014.
22. *Шомина Е.С.* Самоорганизация жителей в сельских поселениях — взгляд сквозь розовые очки // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. Т. 8. № 2.
23. *Щукина М.Ю.* Социальная активность как фактор самоорганизации российских экопоселений // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*, 2014. Т. 7. № 5.
24. *Fischer H.W., Chatre A., Devalkar S., Sohoni M.* Rural institutions, social networks, and self-organized // *Environmental Research Letters*. 2021. Vol. 16. No. 10.
25. *Kondratiev M.V., Fadeeva O.P.* Practices of public participation in local self-governance: Case studies of Siberian villages // *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11. No. 4.
26. *Krugman P.R.* *The Self-Organizing Economy*. Oxford, 1996.
27. *Lin K.* Social quality theory // *A New Perspective on Social Development* / K. Lin, P. Herrmann (Eds.). N.Y., 2015.
28. *McKey D., Rostain S., Iriarte J., Glaser B., Birk J.J., Holst I., Renard D.* Pre-Columbian agricultural landscapes, ecosystem engineers, and self-organized patchiness in Amazonia // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. 2010. Vol. 107. No. 7.
29. *Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S.* Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case // *Крестьяноведение*. 2018. Т. 3. № 1.
30. *Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Wegren S.K.* The importance of strong regional leadership in Russia: the Belgorod Miracle in agriculture // *Eurasian Geography and Economics*. 2017. Vol. 58. No. 3.
31. *Sherwood S., van Bommel S., Paredes M.* Self-organization and the bypass: Re-imagining institutions for more sustainable development in agriculture and food // *Agriculture*. 2016. Vol. 6. No. 4.
32. *Sobolev A., Kurakin A., Pakhomov V., Trotsuk I.* Cooperation in rural Russia: Past, present and future // *Мир России*. 2018. Т. 27. № 1.
33. *Sovolev A., Kurakin A., Trotsuk I.* Methodological approaches to the study of Russian cooperation and “Theory and practice of cooperation” as an academic discipline // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 1.
34. *Trotsuk I.* “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task // *Russian Sociological Review*. 2016. Vol. 15. No. 4.
35. *Zhang S., de Roo G., Rauws W.* Understanding self-organization and formal institutions in peri-urban transformations: A case study from Beijing // *Environment and Planning B-Urban Analytics and City Science*. 2020. Vol. 47. No. 2.

The phenomenon of self-organization of the rural population: Principles and prospects of research*

V.G. Vinogradsky, O.Ya. Vinogradskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: vgrape47@yandex.ru; vgrape58@yandex.ru)

Abstract. The phenomenon defined as self-organization implements its cognitive-analytical function in many disciplines — physics and chemistry, cybernetics and computer science, economics and sociology, psychology and cultural studies. Russian and foreign researchers study forms and practices of self-organization of the rural population and, as a rule, consider them through the factors that affect the pace, forms and quality of social-economic transformations, material appearance and event dynamics of the non-urban living space. The most effective factors that affect the reconstruction of the social space of rural areas and, in general, optimization of the rural world are managerial, social-economic, innovative, demographic and urbanistic, climatic and environmental, and also factors of complementary and intermediate character. The authors systematize the main principles in the study of self-organization practices of the rural population, which are empirically manifested in their regional and subject-activity features (local nature, cultural and ethnographic traditions, changing composition of the local population, their work habits, indicators of professional skills and diligence). All the above historically develops into a kind of *genius loci* (“spirit of place”, “genius locus”) as densely packed in customs and determining mechanisms for the development of initiatives by subjects of self-organization, who aim at building such institutional mechanisms and practices that cannot but contribute to the transition to a new development trajectory, first of individual segments (households, farmer associations, etc.), and then of all basic elements of rural society, which are embodied in the everyday life of rural ‘localities’.

Key words: self-organization; informal interaction; rural communities; practices of self-organization of the rural population; rural everyday life; lifestyle of the rural population; rural world

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

References

1. Agibalov A.V., Zaporozhtseva L.A., Tkacheva Yu.V. Stsenarny podkhod k razrabotke strategii razvitiya selskikh territoriy [Scenario approach to the strategy for the development of rural areas]. *Vestnik VGAIU*. 2019; 3. (In Russ.).
2. Adukov R., Zakharov R. Gosprogramma kompleksnogo razvitiya selskikh territoriy: otsenka i vyvody na budushchee [State Program for the Integrated Development of Rural Territories: Assessment and Conclusions for the Future]. *Ekonomika Selskogo Khozyaystva Rossii*. 2019; 10. (In Russ.).

*© V.G. Vinogradsky, O.Ya. Vinogradskaya, 2023

The article was submitted on 19.01.2023. The article was accepted on 21.04.2023.

3. Bashmachnikov V.F. K metodologii vyyavleniya faktorov uspekhov semeynykh fermerikh khozyaystv v tselyah otsenki perspektiv ih razvitiya [On the methodology for identifying success factors of family farms to assess the prospects for their development]. *Aktualnye Voprosy Sovremennoy Ekonomiki*. 2021; 7. (In Russ.).
4. Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. Postsovetskiy fermerskiy internatsional v selskom khozyaystve Severo-Zapadnogo regiona [Post-Soviet farmers' international in the agriculture of the North-West Region]. *Russian Peasant Studies*. 2020; 5 (4). (In Russ.).
5. Bolshoy tolkovy slovar russkogo yazyka [Big Explanatory Dictionary of Russian Language]. Saint Petersburg; 1998. (In Russ.).
6. Vakhitov R.R. Kak my vyzhivali v 1990-ye? Obshchinnaya samoorganizatsiya rossiyan v epokhu liberalnykh reform 1990-h gg. [How did we survive in the 1990s? Communal self-organization of Russians in the era of liberal reforms in the 1990s]. *Filosofiya Sotsialnykh Kommunikatsiy*. 2009; 1. (In Russ.).
7. Vinogradsky V.G. "Derevnya" i "selskiy mir": skhodstvo i nesovpadenie ["Village" and "rural world": Similarities and discrepancies]. *Puti Rossii: Granitsy politiki*. Pod red. M.G. Pugachevoy. Moscow; 2019. (In Russ.).
8. Deryabina M.A. Teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya samoorganizatsii sotsialno-ekonomicheskikh sistem [Theoretical-methodological foundations of self-organization of social-economic systems]. *Voprosy Ekonomiki*. 2019; 7. (In Russ.).
9. Karpichev V.S. K voprosu ob issledovanii konstruktivnoy i nekonstruktivnoy sotsialnoy samoorganizatsii [On the study of constructive and non-constructive social self-organization]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2010; 5. (In Russ.).
10. Kulyasov I.P., Kulyasova A.A. Ekoposeleniya — novaya forma selskiykh soobshchestv v Rossii [Ecovillages — a new form of rural communities in Russia]. *Ekologiya i Zhizn*. 2008; 10. (In Russ.).
11. Osorgin K.S. Model mestnogo soobshchestva: struktura, funktsii, klyucheveye atributy [Local community model: Structure, functions, key attributes]. *Obshchestvennaya geografiya v menyayushchemsya mire: fundamentalnye i prikladnye issledovaniya*. Pod red. V.A. Rubtsova, E.I. Baybakova. Kazan; 2019. (In Russ.).
12. Rybakova M.V. Potentsial ekoposeleniy v sotsialno-ekologicheskoy modernizatsii sovremennoy Rossii [Potential of ecovillages in the social-ecological modernization of contemporary Russia]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik*. Moscow; 2015. (In Russ.).
13. *Smysly selskoy zhizni (Opyt sotsiologicheskogo analiza)* [Meanings of Rural Life (Sociological Analysis)]. Pod red. Zh.T. Toshchenko. Moscow; 2016. (In Russ.).
14. Sumskaia T.V. Problemy byudzhethnoy obespechennosti mestnogo samoupravleniya (na primere Novosibirskoy oblasti) [Problems of budgetary provision of local self-government (on the example of the Novosibirsk Region)]. *Federalizm*. 2018; 1. (In Russ.).
15. Trotsuk I. Neformalnye praktiki: irratsionalnoe povedenie ili vliyanie kultury? Dva kontekstualnykh "freyma" dlya izucheniya neformalnoy ekonomiki [Informal practices: Irrational behavior or cultural influence? Two contextual "frames" for the study of informal economy]. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (4). (In Russ.).
16. Trotsuk I.V. "Prirodny altruizm" ili vyzhdennoye ratsionalnost? Dolzhnoe, ozhidaemoe i realnoe v (ne) formalnoy ekonomike ["Natural altruism" or forced rationality? Proper, expected and real in the (in) formal economy]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (4). (In Russ.).
17. Fadeeva O.P. Sibirskoe selo: ot formalnogo samoupravleniya k vyzhdennoy samoorganizatsii [Siberian village: From formal self-government to forced self-organization]. *Eco*. 2019; 4. (In Russ.).
18. Fadeeva O.P., Nefedkin V.I. "Regionalny dirizhizm" i selskaya samoorganizatsiya v Tatarstane ["Regional dirigisme" and rural self-organization in Tatarstan]. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (3). (In Russ.).

19. Heidegger M. *Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir–konechnost–odinochestvo* [The Fundamental Concepts of Metaphysics — World, Finitude, Solitude]. Saint Petersburg; 2013. (In Russ.).
20. Heidegger M. Pismo o gumanizme [Letter on humanism]. *Vremya i bytie*. Saint Petersburg; 2007. (In Russ.).
21. Khitsenko V.E. *Samoorganizatsiya: elementy teorii i sotsialnye prilozheniya* [Self-Organization: Elements of Theory and Social Application]. Moscow; 2014. (In Russ.).
22. Shomina E.S. Samoorganizatsiya zhiteley v selskih poseleniyah — vzglyad skvoz rozovye ochki [Self-organization of villagers — a look through rose-colored glasses]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2020; 8 (2). (In Russ.).
23. Shchukina M.Yu. Sotsialnaya aktivnost kak faktor samoorganizatsii rossiyskih ekoposeleniy [Social activity as a factor of self-organization of Russian ecovillages]. *Problemy Analiz i Gosudarstvenno-Upravlencheskoe Proektirovanie*, 2014; 7 (5). (In Russ.).
24. Fischer H.W., Chatre A., Devalkar S., Sohoni M. Rural institutions, social networks, and self-organized. *Environmental Research Letters*. 2021; 16 (10).
25. Kondratiev M.V., Fadeeva O.P. Practices of public participation in local self-governance: Case studies of Siberian villages. *Regional Research of Russia*. 2021; 11 (4).
26. Krugman P.R. *The Self-Organizing Economy*. Oxford, 1996.
27. Lin K. Social quality theory. *A New Perspective on Social Development*. K. Lin, P. Herrmann (Eds.). New York; 2015.
28. McKey D., Rostain S., Iriarte J., Glaser B., Birk J.J., Holst I., Renard D. Pre-Columbian agricultural landscapes, ecosystem engineers, and self-organized patchiness in Amazonia. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. 2010; 107 (7).
29. Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S. Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (1).
30. Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Wegren S.K. The importance of strong regional leadership in Russia: the Belgorod Miracle in agriculture. *Eurasian Geography and Economics*. 2017; 58 (3).
31. Sherwood S., van Bommel S., Paredes M. Self-organization and the bypass: Re-imagining institutions for more sustainable development in agriculture and food. *Agriculture*. 2016; 6 (4).
32. Sobolev A., Kurakin A., Pakhomov V., Trotsuk I. Cooperation in rural Russia: Past, present and future. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2018; 27 (1).
33. Sovolev A., Kurakin A., Trotsuk I. Methodological approaches to the study of Russian cooperation and “Theory and practice of cooperation” as an academic discipline. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (1).
34. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
35. Zhang S., de Roo G., Rauws W. Understanding self-organization and formal institutions in peri-urban transformations: A case study from Beijing. *Environment and Planning B-Urban Analytics and City Science*. 2020; 47 (2).